

Андрэ Моруа . Рождение знаменитости

Художник Пьер Душ заканчивал натюрморт-цветы в аптечной склянке и баклажаны на блюде, - когда в мастерскую вошел писатель Поль-Эмиль Глэз. Несколько минут Глэз смотрел, как работает его друг, затем решительно произнес:

- Нет!

Оторвавшись от баклажанов, художник удивленно поднял голову.

- Нет, - повторил Глэз. - Нет! Так ты никогда не добьешься успеха.

Мастерство у тебя есть, и талант, и честность. Но искусство твое слишком обыденно, старина. Оно не кричит, не лезет в глаза. В Салоне, где выставлено пять тысяч картин, твои картины не привлекут сонного посетителя... Нет, Пьер Душ, успеха тебе не добиться. А жаль.

- Но почему? - вздохнул честный малый. - Я пишу то, что вижу. Стараюсь выразить то, что чувствую.

- Разве в этом дело, мой бедный друг? Тебе же надо кормить жену и троих детей. Каждому из них требуется по три тысячи калорий в день. А картин куда больше, чем покупателей, и глупцов гораздо больше, чем знатоков. Скажи мне, Пьер Душ, каким способом ты полагаешь выбиться из толпы безвестных неудачников?

- Трудом, - отвечал Пьер Душ, - правдивостью моего искусства.

- Все это несерьезно. Есть только одно средство вывести из спячки тупиц: решиться на какую-нибудь дикую выходку! Объяви всем, что ты отправляешься писать картины на Северный полюс. Или нацепи на себя костюм египетского фараона. А еще лучше - создай какую-нибудь новую школу! Смешай в

одну кучу всякие ученые слова, ну, скажем, -
экстериоризация, динамизм,
подсознание, беспредметность-и составь манифест1.
Отрицай движение или,
наоборот, покой; белое или

(93) черное; круг или квадрат-это совершенно
все равно? Придумай
какую-нибудь "неогомерическую" живопись, признающую
только красные и желтые
тона, "цилиндрическую" или "октаэдрическую",
"четырёхмерную", какую
угодно!..

В эту самую минуту нежный аромат духов возвестил
о появлении пани
Косневской. Это была обольстительная полька, чьи
синие глаза волновали
сердце Пьера Душа. Она выписывала дорогие журналы,
публиковавшие роскошные
репродукции шедевров, выполненных трехгодовалыми
младенцами. Ни разу не
встретив в этих журналах фамилии честного Душа, она
стала презирать его
искусство. Устроившись на тахте, она мельком взглянула на
стоявшее перед ней
начатое полотно и с досадой тряхнула золотистыми кудрями.

- Вчера я была на выставке негритянского искусства
Золотого века! -
сообщила она своим певучим голосом, раскатывая
звонкое "р".-Сколько
экспрессии в нем! Какой полет! Какая сила!

Пьер Душ показал ей свою новую работу-портрет,
который он считал
удачным.

- Очень мило,-сказала она нехотя. И ушла...
благоухающая, звонкая,
певучая и разочарованная.

Швырнув палитру в угол, Пьер Душ рухнул на тахту.

- Пойду служить в страховую кассу, в банк,
в полицию, куда
угодно!-заявил он.-Быть художником- последнее дело! Одни
лишь пройдохи умеют
завоевать признание зевак! А критики, вместо того чтобы
поддержать настоящих
мастеров, потворствуют невеждам!;

С меня хватит, я сдаюсь.

Выслушав эту тираду, Поль-Эмиль закурил и стал о
чем-то размышлять.

- Сумеешь ли ты, -спросил он наконец, -со всей торжественностью объявить Косневской и еще кое-кому, что последние десять лет ты неустанно разрабатывал новую творческую манеру?

- Я разрабатывал?

- Выслушай меня... Я сочиню две-три хитроумные статьи, в которых сообщу нашей "элите", будто ты намерен основать "идео-аналитическую" школу живописи. До тебя портретисты по своему невежеству упорно изучали человеческое лицо. Чепуха все это! Истинную сущность человека составляют те образы и представления,

(94) которые он пробуждает в нас. Вот тебе портрет полковника: голубой с золотом фон, на нем - пять огромных галунов, в одном углу картины - конь, в другом - кресты. Портрет промышленника - это фабричная труба и сжатый кулак на столе. Понимаешь теперь, Пьер Душ, что ты подарил миру? Возьмешься ли ты написать за месяц двадцать "идео-аналитических" портретов? Художник грустно улыбнулся.

- За один час, -ответил он. -Печально лишь то, Глэз, что, будь на моем месте кто-нибудь другой, затея, возможно, удалась бы, а так...

- Что ж, попробуем!

.- Не мастер я болтать!

-- Вот что, старина, всякий раз, как тебя попросят что-либо объяснить, ты, не торопясь, молча зажги свою трубку, выпусти облако дыма в лицо любопытному и произнеси эти вот простые слова: "А видели вы когда-нибудь, как течет река?"

- А что это должно означать?

- Ровным счетом ничего, - сказал Глэз. - Именно поэтому твой ответ покажется всем необычайно значительным. А уж после того, как они сами изучат, истолкуют и превознесут тебя на все лады, мы расскажем им про нашу проделку и позабавимся их смущением.

Прошло два месяца. Выставка картин Душа вылилась в настоящий триумф.

Обворожительная, благоухающая, певуче раскатывающая звонкое "р" пани

Кос-невская не отходила от своего нового кумира.

- Ах, - повторяла она, - сколько экспрессии в ваших работах! Какой полет!

Какая сила! Но скажите, дорогой друг, как вы пришли к этим поразительным обобщениям?

Художник помолчал, не торопясь закурил трубку, выдохнул густое облако дыма и произнес:

- А видели вы когда-нибудь, мадам, как течет река? Губы прекрасной польки затрепетали, суля ему певучее раскатистое счастье.

Группа посетителей обступила молодого блистательного Струнского в пальто с кроличьим воротником.

- Потрясающе! - горячо говорил он. - Потрясающе! Но скажите мне, Душ, откуда на вас снизошло откровение? Не из моих ли статей?

(95)

Пьер Душ на этот раз особенно долго молчал, затем, выпустив в лицо

Струнскому громадное облако дыма, величественно произнес:

- А видели вы, дорогой мой, как течет река?

- Великолепно сказано! Великолепно! В эту самую минуту известный торговец картинами, завершив осмотр мастерской, ухватил художника за рукав и оттащил в угол.

- Душ, приятель, а ведь вы ловкач! - сказал он. - На этом можно сделать карьеру. Беру вашу продукцию. Только не вздумайте менять свою манеру, пока я вам не скажу, и я обещаю покупать у вас пятьдесят картин в год... По рукам?

Не отвечая, Душ с загадочным видом продолжал курить. Постепенно мастерская пустела. Наконец Поль-Эмиль Глэз закрыл дверь за последним посетителем. С лестницы доносился, понемногу отдаляясь, восхищенный гул.

Оставшись наедине с художником, писатель с веселым видом засунул руки в карманы.

- Ну как, старина, - проговорил он, - ловко мы их провели? Слышал, что говорил этот молокосос с кроличьим воротником? А прекрасная полька? А три смазливые барышни, которые только и повторяли: "Как это ново! Как свежо!"

Ах, Пьер Душ, я знал, что глупости человеческой нет предела, но то, что я видел сегодня, превзошло все мои ожидания.

Его охватил приступ неукротимого смеха. Художник нахмурил брови и, видя, что его друг корчится от хохота, неожиданно выпалил:

- Болван!

- Я - болван? - разозлившись, крикнул писатель. - ? Да сегодня мне удалась самая замечательная проделка со времен Биксиу!

Художник самодовольно оглядел все двадцать идео-аналитических портретов.

- Да, Глэз, ты и правда болван, - с искренней убежденностью произнес он. - В этой манере что-то есть... Писатель оторопело уставился на своего друга.

- Вот так номер! - завопил он. - Душ, вспомни! Кто подсказал тебе эту новую манеру?

Пьер Душ помолчал немного, затем, выпустив из своей трубки густое облако дыма, сказал:

- А видел ли ты когда-нибудь, как течет река?